

Царевич Петр

Династические связи Дома Романовых с влиятельными фамилиями Запада своими истоками уходят в первую четверть XVIII века, в царствование Петра I. Именно по его инициативе были заключены брачные союзы его сына, дочери и племянницы. Но прежде всего, разумеется, следует рассказать о самом Великом Преобразователе России.

Сын Михаила Федоровича, основоположника царско-императорской династии Романовых, второй русский царь Алексей Михайлович (Тишайший) был женат дважды.

В отличие от своего отца Алексей Михайлович не занимался поисками иностранной принцессы себе в подруги жизни. Более того, два его счастливых брака явились своеобразным эталоном сложившихся в то время в русском обществе канонов православия в отношении царских браков.

16 января 1648 года, на девятнадцатом году жизни, Алексей Михайлович обвенчался с Марией Ильиничной Милославской, дочерью незнатного дворянина, и счастливо прожил с ней двадцать один год. Об этом браке сохранились подробности, которые дают возможность узнать, как в XVII веке выбирали царскую невесту.

Как только царь заявлял о своем желании жениться, тотчас во все концы государства отправлялись рассыльщики с тем, чтобы они отбирали красивых девушек и наказывали их родителям везти их в Москву на царский смотр. Прежде всего собранных в столице красавиц рассматривали бабки-повитухи, затем наиболее близкие к государю бояре выбирали из прошедших отбор самых достойных, которые и готовились к царскому смотру.

Боярские смотры проводились утром в одной из наиболее обширных кремлевских палат, куда девиц привозили в закрытых колымагах. Все они стояли в дорогих парчовых платьях с длинными сборчатыми рукавами, в сафьяновых сапожках с высокими каблуками и жемчужным ожерельем на шее. О желании выставить невест в самом лучшем виде свидетельствуют также набеленные лица, нарумяненные щеки и подрисованные глаза.

В таких случаях, разумеется, очень волновались не только претендентки и их родители, но и особенно придворные честолюбцы. У отечественных историков были все основания утверждать, что, видимо, ни в одной из стран не было такого простора действиям придворных партий, как в России. Одну из главных причин этого они видели в обычае царей вступать в брак с дочерьми своих подданных. Как известно, традиционно со смертью правителя часто вместе с ним с политической арены уходили и его бывшие сотрудники, уступая место новым людям с новыми идеями. Когда же царя окружали люди, отличавшиеся не только званиями, но и являвшиеся еще и его родственниками, то после его кончины вслед за новым царем вторгался на ступени престола уже готовый штат временщиков, родственников преемника усопшего венценосца, и это обычно приводило к интригам и борьбе за сферы влияния.

В этом отношении для Московского царства особенно неудобным оказалось то обстоятельство, что оба царя, правившие Русским государством во второй половине XVII века, были женаты дважды, и, следовательно, они имели вокруг себя двойное число претендентов на почести, богатство и, главное, – власть.

Из большого числа созванных в столицу девиц выбор царя остановился на дочери Рафа Всеволожского. Но поскольку тот был незнатен и не имел связей среди придворной знати, то, следовательно, выбор царя не понравился ни одному из сильных сановников, окружавших трон. Самым могущественным тогда при дворе являлся воспитатель царя боярин Б. И. Морозов. Для него лично брак царя был особенно важным делом, ибо он мог усилить или ослабить его могущество и авторитет. Более того, у Морозова имелась в виду другая невеста для государя; девица очень красивая, хотя несколько старше царя, но, главное, – она принадлежала к преданнейшей ему фамилии Милославских.

Чтобы осуществить свой план, царский фаворит, естественно, должен был устранить дочь Всеволожского. Боярин преодолел эту трудность: он подкупил царского волосочеса,

который, убирая к венцу девушку, так туго затянул ей волосы, что она упала в обморок. А царю этот обморок представили как приступ падучей болезни, и дочь Всеволожского вместе с отцом отправили в ссылку.

После этого Морозову уже не стоило многих усилий склонить царя к браку с Милославской. Спустя некоторое время праздновалась свадьба и самого фаворита с сестрой царицы. Родственник царицы Марии Ильиничны, Иван Михайлович Милославский, так возвысился после брака государя, что вскоре занял место ближнего боярина Морозова.

Мария Ильинична подарила любимому государю восемь дочерей и пять сыновей. Две дочери скончались в детстве, а оставшиеся в живых отличались крепким здоровьем. Царские сыновья же от этого брака родились слабыми, болезненными, и трое из них умерли – Дмитрий и Симеон в младенчестве, а Алексей в возрасте шестнадцати лет в 1670 году. Из двоих наследников старший – Федор, 1661 года рождения, страдал цингой и болезнью ног, а младший – Иоанн, 1666 года рождения, был не только немощен телом, но и слаб умом.

Для царского семейства 1669 год оказался роковым: 28 февраля умерла новорожденная царевна Евдокия, 4 марта скончалась царица Мария Ильинична, а в середине июня умер четырехлетний царевич Симеон. По своим последствиям из всех этих горестных событий самым значительным стала смерть царицы. Алексей Михайлович в расцвете сил, в сорок лет, овдовел.

Спустя два года первопрестольная узнала о второй избраннице своего государя. Ею стала родственница царского ближнего боярина Артамона Матвеева Наталья Кирилловна Нарышкина, дочь смоленского капитана Кирилла Нарышкина. 22 ноября 1671 года царь торжественно обвенчался с Натальей Нарышкиной.

Положение Милославских при царском дворе сразу же изменилось: главное влияние надела по управлению страной перешли к Нарышкиным. В частности, Артамон Матвеев и отец царицы Кирилл Нарышкин стали боярами. Возвышение Нарышкиных и ослабление Милославских, двух придворных партий, через короткое время имело чрезвычайно важные последствия: это послужило источником многих смут и волнений в царстве. В. О. Ключевский в связи с этим обстоятельством подчеркивал, что после второго брака Алексея Михайловича образовались «две клики родственников и свойственников, которые насмерть злобствовали одна против другой, ничем не брезгуя в ожесточенной вражде».

...Рано утром 30 мая 1672 года колокола Кремля известили жителей Белокаменной о радости царя – приращении его семейства. Перед рассветом царица Наталья Кирилловна подарила своему царственному супругу сына. Колокольни древней Москвы разнесли эту весть по всему городу, и уже в пять часов утра набожный Алексей Михайлович был в Успенском соборе на благодарственном молебствии, совершенном новгородским митрополитом Питиримом. Возблагодарив Бога за дарованного сына, после посещения Архангельского собора, Вознесенского и Чудового монастырей царь по возвращении во дворец принимал поздравления от бояр, думных дворян, полковников, стрелецких голов, угощал гостей водкой, фряжскими винами и десертом из свежих плодов.

Первая жена Алексея Михайловича не осилила династическую хилость мужского потомства. Зато вторая, Наталья Кирилловна, оправдала надежды: сын, названный Петром, родился в мать и был крепок здоровьем. Счастью царствующих родителей не было конца, и рождение своего первенца они отмечали с большим торжеством.

Петр был четырнадцатым ребенком многодетного Алексея Михайловича и первым от его второго брака с Натальей Нарышкиной. «Три дня сряду служили благодарственные молебны, стреляли из пушек, – писал Н. И. Костомаров. – Благодушный царь, по своему обычаю, жаловал своих ближних людей, прощал казенные долги, отменял и смягчал наказание преступникам, а после крестин угощал дважды в своем дворце сановников и выборных людей из Москвы и других городов, приезжавших с дарами. Даже в народных великорусских песнях осталось воспоминание о всеобщей радости и торжестве при рождении царевича, которому впоследствии суждено было стать первым русским

императором. Быть может, царь Алексей Михайлович придавал такое значение рождению младшего сына потому, что из оставшихся у него двух сыновей от первой жены один был больной, другой малоумный, и сам царь, будучи еще не стар, мог дожидаться, что новорожденный сын от второй жены, возрастая, покажет большие способности, чем другие его сыновья». По описаниям современников, пиры и праздники отличались удивительной пышностью.

В ночь на 1 сентября 1674 года, день Святого Симеона Летопроводца, вся Москва молилась. Среди глубокой ночи загудел колокол Ивана Великого. Тотчас же откликнулись все сорок сороков московских церквей, и во всех них началась заутреня. Москвичи, затеплив в своих домах лампы перед темными ликами образов, поспешили в храмы.

Древний Кремль быстро наполнялся народом. В Успенском соборе патриарх совершал литургию, после которой крестный ход выступил из собора на площадь.

Лучи осеннего солнца мягко горели на золотых крестах и куполах кремлевских соборов. В то сентябрьское утролюдно было в Кремле, куда из приходских церквей спешил народ православный.

Посреди соборной площади, напротив Красного крыльца, стоял помост, пол которого устилали дорогие персидские ковры.

На помосте стояли аналои с иконами, зажженными свечами перед ними и стол для освящения воды. Патриарх поднялся на помост вместе с высшим духовенством в драгоценных облачениях.

И в этот же момент от дворца показалось царское шествие. Окруженный знатными боярами в «золотах», поддерживаемый ближними стольниками, в большом царском наряде шел Алексей Михайлович. Он двигался между двух рядов стольников, дьяков в золоченых кафтанах, стрелецких голов, дворян и гостей, иноземных послов и стрельцов, стоявших ратным строем с ружьями и знаменами.

За царем шел его тринадцатилетний сын Федор, старший из оставшихся в живых сыновей, застенчиво потупив взоры в землю, робкий и слабый, с умным и добрым лицом. Для Федора это был великий день: отец объявлял его своим наследником, показывая его всему Московскому государству.

Как только царь взшел на помост и встал у своего «Государева места» – позолоченного, резного трона, – началось «действие многолетнего здравия». Все духовенство по двое в ряд подходило к царю и кланялось ему и патриарху. Потом пели молебен, и патриарх, осеняя Алексея Михайловича крестом, говорил: «Здравствуй, царь-государь. Нынешний год и впредь идущие многие лета в род и веки...»

Потом выступал царевич Федор. Он поздравлял отца и патриарха, и тихой флейтой звенел и дрожал его детский голос, едва слышный на огромной кремлевской площади. Низко кланяясь, стали подходить и поздравлять царя, царевича и патриарха бояре и все служилые. А затем и весь народ московский в один миг пал на землю, ударившись в нее челом, приветствуя царя с новолетием. На этом торжество закончилось: царь с царевичем вернулись во дворец, народ разошелся.

Царица и ее сторонники, привлечшие к себе царскую милость и любовь, вызывали у Милославских все более досаду и ненависть. И если первая придворная партия – Нарышкиных – пока торжествовала, то вторая могла утешить себя тем, что дождется праздника и на своей улице: ведь после смерти царя наследство должно было перейти к старшим сыновьям Алексея Михайловича от первого брака. Хотя и здесь у Милославских в душе таился страх: царь, переживший уже трех своих сыновей от первой жены, переживет и остальных двух, и тогда высшая власть естественным и законным путем перейдет к Петру и еще более укрепит Нарышкиных у кормила государства.

Однако ожидания и опасения двух придворных партий не сбылись. «Царь Алексей Михайлович умер неожиданно, не достигши старости, и оставил семейство свое в очень печальном для государства положении», – констатировал С. М. Соловьев в «Истории России с древнейших времен».

Еще в самом начале 1676 года Алексей Михайлович слег и уже не смог встать. Перед смертью он призвал царевича Федора и благословил его венцом Мономаха. Умиравший властитель наказывал своему юному наследнику, чтобы любил и хранил своих братьев и сестер, почитал царицу Наталью как мать родную, а для Петра был бы отцом. Патриарх, заметив, что тихая смерть приблизилась к государю русской земли, начал читать отходные молитвы, и вечером 29 января 1676 года царь Алексей Михайлович скончался. Он прожил 47 лет, из которых тридцать один год царствовал.

С горестью узнали москвичи эту печальную весть и поспешили в Кремль попрощаться с покойным государем.

Новым царем на русском престоле был объявлен старший сын Алексея Михайловича, четырнадцатилетний Федор. В день смерти отца больной царевич лежал в постели; его на руках принесли в Грановитую палату и посадили на трон.

Гроб с телом царя Алексея Михайловича провожали в Архангельский собор, усыпальницу русских царей, царица Наталья Кирилловна, новый государь Федор в носилках, его братья и сестры в траурных платьях.

16 июня 1676 года в Кремле состоялась торжественная коронация четырнадцатилетнего Федора на царство. Новый государь, как и все сыновья Алексея Михайловича от первой супруги, Марии Милославской, был «хилого телосложения и слабого здоровья». Он был небольшого роста, бледным и слабым, и, страдая ногами, всегда ходил с палкой. Есть утверждения, что на приемах иностранных послов в Кремле Федор без посторонней помощи не мог даже снять с головы царский венец. Он отличался набожностью, любил нищих и убогих, всегда помогал им. Московский народ знал Федора еще царевичем, был наслышан о его доброте и начитанности. Москвичи жалели Федора Алексеевича за болезненность, доброту к людям и перенесли на него всю любовь, какую питали к его отцу. Царедворцы с полным основанием могли предвидеть, что Федор Алексеевич проживет недолго.

Новый царь был воспитанником знаменитого богослова, ученого, писателя и поэта, монаха Симеона Полоцкого. Последний прибыл в Москву в 1656 году, когда царь Алексей Михайлович, узнав о его просвещенности и большой мудрости, определил просвещенного монаха наставником к царевичу Федору. В то время именно Симеон Полоцкий первым из посторонних мужчин перешагнул порог царского терема. Федор хорошо знал латинский, свободно говорил и читал на польском языке, увлекался писанием стихов. Не случайно молодого царя окружали такие образованные люди, как И. М. Языков и А. Т. Лихачев, которых он приблизил к себе в 1679 году, предпочитая их своим родственникам Милославским со старыми, косными взглядами. В частности, Федор Алексеевич понимал, насколько важно для просвещения народа заимствовать лучшие достижения западных стран. Именно по его инициативе был разработан проект первой в истории России Славяно-греко-латинской академии. Что же касается внешней политики московского правительства в первые годы царствования Федора Алексеевича, то она была главным образом сконцентрирована на решении украинских (малороссийских) дел, связанных с турецкой экспансией.

Ранняя смерть царя Алексея Михайловича сразу же повернула колесо придворной фортуны: резко изменилось положение вдовствовавшей царицы Натальи Кирилловны, ее сына Петра и всей родни Нарышкиных, а также Артамона Матвеева. Над ними не замедлила разразиться давно собиравшаяся гроза. Как писал Н. И. Костомаров, в семействе второго государя династии Романовых господствовал раздор. Шесть сестер царя, тетки, старые девы, дочери царя – все они давно втайне ненавидели мачеху Наталью Кирилловну за ту любовь, которую питал к ней Алексей Михайлович. И теперь их ненависть стала явной. Сам Федор Алексеевич чувствовал себя глубоко несчастным человеком, ибо после смерти отца оказался в эпицентре обострившейся борьбы между Милославскими и Нарышкиными за влияние на нового царя^[8]. В самом начале его правления в Кремле сложилась странная ситуация: на престоле находился сын Милославской, а у кормила государства – воспитатель и родственник царицы Натальи Нарышкиной, боярин Артамон Сергеевич Матвеев.

Милославские, боявшиеся умного и честного Матвеева, разоблачавшего их казнокрадство еще при Алексее Михайловиче, путем интриг и подлогов добились от юного царя отстранения ближайшего друга его отца от государственных дел и затем отправки в ссылку в далекий Пустозерск, на крайний северо-восток Архангельской губернии.

Месть Милославских обрушилась и на других родственников царицы Натальи Нарышкиной. Постепенно все они были отстранены от царского двора, а братья Натальи – Иван и Афанасий, ложно обвиненные в умысле на лишение жизни Федора, были сосланы на южную окраину России.

Крайне тяжелым стало и само положение царицы Натальи Кирилловны: теперь ей пришлось на себе испытать участь опального члена царской семьи. Оставив кремлевский дворец, она с малолетним Петром поселилась в подмосковном селе Преображенском, постоянно опасаясь за свою судьбу.